

**ЭПОХАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ВЕК.
КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
(КРАТКИЙ НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ)**

15 ноября 2017 г. в Поволжском филиале Института российской истории Российской академии наук состоялся круглый стол, где обменялись мнениями, оценками, суждениями ряд ученых в связи со 100-летием Великой российской революции 1917 года: *Г.М. Инполитов*, д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, академик Академии военных наук РФ; *П.С. Кабытов*, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, зав. сектором истории внутренней и внешней политики Российской империи Поволжского филиала Института российской истории РАН; *Н.Н. Кабытова*, д.и.н., профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева; *В.Я. Ефремов*, д.и.н., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала Военной академии тыла и транспорта им. генерала армии А.В. Хрулева Минобороны РФ – Вольского военного института материального обеспечения; *Е.Ю. Семенова*, д.и.н., старший научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета; *Т.В. Филатов*, д.филос.наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, зав. кафедрой философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики; *И.А. Чуканов*, д.и.н., профессор кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета. К работе круглого стола были привлечены аспиранты-историки Самарского государственного социально-педагогического университета и Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Руководил работой круглого стола директор Поволжского филиала Института российской истории РАН, д.и.н., профессор *Ю.П. Аншаков*, который обратился к участникам научного форума со вступительным словом:

Уважаемые коллеги! Сто лет назад поэт Серебряного века Максимилиан Волошин сказал: «Внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что Русская революция будет долгой, безумной, кровавой, мы стоим на пороге новой великой разрухи Русской земли, нового смутного времени». Перед нами ярко выраженное субъективное отражение реальности, принадлежащее современнику тех событий. Во многом Волошин, можно сегодня отметить, оказался прав.

Российская революция 1917 г. – эпохальное событие в истории не только нашего Отечества, но и мировой истории. Вокруг событий столетней давности по-прежнему идут нескончаемые споры. К революции следует подходить как к живому историческому процессу, в котором были не только достижения, но и ошибки, трагедии целых классов и социальных слоев.

В преддверии круглого стола его участникам были предложены следующие вопросы:

1. Автором и соавтором каких публикаций по проблематике истории Великой российской революции 1917 г. Вы как специалист являетесь и какие аспекты являются здесь для Вас приоритетными?

2. Существуют ли в современной историографии Великой российской революции 1917 г. «болевы точки», в которых налицо ярко выраженная идеологизация и политизация?

3. Феномен большевизма. Почему все-таки он одержал победу, придя к власти в октябре 1917 г.?

4. Революция и российская Гражданская война. Есть ли между ними причинно-следственная связь или здесь имел место элемент исторической случайности, которую можно было избежать?

5. Какие исторические персоналии 1917 г. нуждаются сегодня в дальнейшем осмыслении или переосмыслении с позиции новых подходов, утвердившихся в современной отечественной исторической науке?

Желаю Вам, уважаемые коллеги, плодотворной дискуссии.

Г.М. Инполитов

1. Изучение революционной эпохи 1917 г. в России я начал в 1990 г. в контексте исследования исторической персоналии Антона Ивановича Деникина. Первая публикация увидела свет

в 1993 г. Приоритетами здесь являются следующие проблемы: революция и разложение русской армии, ее гибель и создание РККА – армии принципиально нового типа; историко-психологические аспекты революционных событий; вопросы теории и методологии. Например, соотношение дефиниций «Октябрьский переворот» и «Великая Октябрьская социалистическая революция». Мне представляется, что нужно окончательно отказаться от понятий «Февральская революция» и «Октябрьская революция». Имела место именно «Великая российская революция 1917 г.», перетекшая в фазу Гражданской войны. А Февраль (вернее, февраль-март, если исходить из нового стиля летоисчисления) и Октябрь (вернее, октябрь-ноябрь) – важнейшие рубежи (этапы), но в рамках единого революционного процесса. Причем эти рубежи качественно отличаются по сути и содержанию. И весьма спорными выглядят утверждения, что Октябрь – это просто углубление революционного процесса. На мой взгляд, Октябрь – это развитие революции по большевистской альтернативе, радикально отличающейся от собственно революционно-демократической (Февраль). Здесь предстоит разобраться в диалектике объективного и субъективного факторов, роли революционных вождей (А.Ф. Керенский и В.И. Ленин как персонифицированные начала собственно революционно-демократической и большевистской альтернативы развития революционного процесса). При этом необходимо подчеркнуть, что и сам В.И. Ленин не сразу классифицировал Октябрь в качестве социалистической революции. Так что между Февралем и Октябрем – глубинная диалектика. И поможет ее раскрыть в том числе и четкое знание того, что происходило между Февралем и Октябрем. Выражу личностную позицию: для меня феномен Великой российской революции 1917 г. – цивилизационный разлом, положивший начало смене цивилизационной парадигмы, материализовавшейся в создании Советского государства, аналогов которому не имелось в истории мировых цивилизаций и прошедшего героический и одновременно трагический исторический путь. Такой оценке остаюсь верен (конечно, без догматизма и уж тем более без фанатизма).

Моя позиция – государственный патриотизм (не путать с таким извращением, как зоологический национализм). Но каждый раз, когда я обращаюсь к одной из своих самых любимых тем, то открываю в ней какие-то новые грани. Причем они часто открываются при переосмыслении уже ранее написанного. Очень близко, на мой взгляд, подошел к истине такой видный авторитет зарубежной исторической науки, как Э. Карр. Он справедливо утверждал: если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти

в одну и ту же реку, то, «видимо, верно, и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком»¹. Естественно, появляются какие-то коррективы во взгляде на революционные потрясения 1917 г. Это в значительной степени обусловлено тем, что приходится знакомиться с большим новым массивом исторических и историографических источников, монографий и диссертаций. В частности, я стал менее категорично оценивать итоги военной политики А.Ф. Керенского. Пришло понимание того, что не всегда его потуги по реформированию Русской армии в 1917 г. (читай: по стимулированию разложения войск) были необратимы. Многое в деле несостоявшейся их локализации зависело от субъективного фактора – нерешительности высшего генералитета (в первую очередь М.В. Алексева, А.А. Брусилова).

Азбучная истина: комплексное применение методологических подходов, принципов и методов – залог успешности любого исторического исследования. Однако всегда имеются приоритеты. Для меня актуально гармоничное сочетание формационного и цивилизационного подходов к глубинному познанию сущности и содержания исторического феномена российской революции 1917 г. Нельзя два этих подхода противопоставлять, что было столь модным в 1990-е гг. (особенно в первой их половине, когда цех служителей музыки Клио напоминал оркестрантов, вышедших на сцену, но забывших ноты: от марксизма огульно отказались, а в новомодных парадигмах, почерпнутых с Запада, запутались). Но при использовании формационного и цивилизационного подходов, при гармоничном их сочетании также должны быть свои приоритеты. Например, формационный подход представляется предпочтительнее при определении роли и места властных структур в попытках обуздания революционной стихии 1917 г. В то же время при анализе исторических событий, имевших место в революционном 1917 г., следует обеспечивать их целостное восприятие, когда в эпицентре ставится человек как конкретный первичный субъект-носитель революционных потрясений. Это и является практическим проявлением требований цивилизационного подхода к изучению истории – изучение прошлого в человеческом измерении.

2. Наивно полагать, что «брак по расчету» истории и политики может исчезнуть при каком-либо политическом режиме. Да, сегодня нет печально известного советского Главлита (читай: цензурного комитета) и уж тем более историка не превратят в «лагерную пыль» за его публикацию. Зато в современной России есть, во-первых, проблема поиска средств на публикацию, во-вторых, диктатура бездушной машины «Антиплагиат», которая умудряется ква-

лифицировать как плагиат фрагменты из ранее вышедших в свет статей автора или цитаты из классиков. Болевая точка – массивные атаки так называемой либеральной школы историков на ученых, занимающих государственно-патриотическую позицию, особенно когда последние пытаются доказать закономерный характер Великой российской революции 1917 г. Так называемые либералы (Д. Локк, один из отцов либерализма, вряд ли подал бы им руку) сознательно не хотят видеть очевидного: революция 1917 г. в России – закономерность. Отечество наше выстрадало ее всем ходом исторического развития. Пусть не до конца ученые разобрались в причинах данного феномена, но отрицать закономерный характер революции 1917 г. – не что иное, как насилловать историческую истину. Видимо, историки XXI в. должны разобраться, на каком основании современники революционных катаклизмов – крупные политические деятели царского политического режима, такие как сенатор Н.Н. Таганцев и премьер царского правительства В.Н. Коковцов, в своих воспоминаниях заявляли: «Революция висела в воздухе»².

Аксиоматично, что отмена крепостного права в 1861 г. дала мощный импульс развитию капитализма на просторах Российской империи. Причем ростки его появились значительно раньше. Либеральные реформы Александра II способствовали эволюционному обновлению общества. Резко усилилось, однако, и революционное движение, террор народников уступал место быстро распространявшемуся марксизму. Подобное положение стало причиной того, что Александр III начал контрреформы, развернув наступление реакции по всему фронту, но не добившись особых успехов. Страна вступила в полосу эпохальных экономических, социально-политических и духовных перемен, венцом которых стали российские революции 1905-1907 гг. и 1917 г.

Революция, какой бы трагической она ни была, выступает всегда средством саморегуляции общества. Трудно не согласиться с Н.А. Бердяевым, писавшим, что революция «в значительной степени есть расплата за грехи прошлого»³. Судить о революциях – хороши они или плохи – пустая трата времени либо упражнения в софизмах, морализаторстве вне исторического пространства и времени. Как и любой исторический феномен, революции должны подвергаться всестороннему исследованию. Однако в историографии революции 1917 г. при наличии различных подходов, порою диаметрально противоположных суждений пока что вопросов остается больше, нежели ответов.

Главный урок 1917 г., о котором не любят писать так называемые либеральные историки,

– революции не делаются по заказу, они объективны. Народ имеет право на революцию. Но здесь играет большую роль субъективный фактор. Власть имущие не должны доводить свой народ до такого состояния, когда он «берется за вилы». Только продуманная политика взвешенных и своевременных реформ может вовремя снимать социальное напряжение. При этом следует помнить об уникальной черте ментальности россиян – абсолютной нетерпимости к социальной несправедливости. И еще один урок: следует исключить некомпетентное вмешательство в функционирование армии. Полагаю, что военные министры типа А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского были детонаторами разложения армии в революционном 1917 г.

3. Феномен большевизма – одно из тех явлений, которое предстоит еще долго изучать, открывая при этом все новые грани, сталкиваясь с его загадками. При этом следует учитывать, что в идеологическом плане большевизм представлял собой воплощение не столько западного марксизма, сколько доморощенного ленинизма. Он аккумулировал разные тенденции российской действительности: антикапиталистические настроения в среде рабочих; антисобственнические – общинного крестьянства. По ходу революции 1917 г. все это обострялось под воздействием конкретно-исторических реалий. Причем история событий 1917 г. достаточно сложна, многоаспектна, противоречива. Она не сводится исключительно к деятельности партии большевиков. Тем более их деяния на ниве построения «царства Божия на земле» невозможно совместить со светлой идеей коммунизма, если иметь в виду, что она подразумевает гуманистический идеал. Появление коммунистической идеи – альтернатива суровым реалиям действительности. Непреходящее значение коммунистической идеи в истории человечества – ее непосредственное влияние на социализацию и гуманизацию человеческого сообщества. *В этом смысле коммунистическая идея непобедима.* Она будет жить вечно, оказывая благотворное влияние на гуманистическое совершенствование человеческого социума и развиваясь вместе с ним. Однако попытка ее ускоренного претворения в жизнь стоила человечеству многих жертв.

И все же, размышляя об уникальности феномена большевизма, выходишь на главный вопрос: почему соратники В.И. Ленина относительно бескровно захватили власть 7 ноября 1917 г.? Сразу оговоримся: *не выдерживает критики точка зрения, родоначальники которой принадлежат к историкам русского зарубежья. Для них Октябрь 1917 г. – заговор, захват власти кучкой большевистских лидеров, которые навязали стране трагический путь развития.* В годы перестройки это был любимый лейтмотив

публицистов, писавших по истории событий 1917 г.

Представляется, что феномен большевизма особенно рельефно проявился к осени 1917 г. Именно тогда назрел не просто кризис, а кризис буржуазной демократии в России в целом. Итог: вооруженный захват власти партией большевиков. Той партией, численностью около 400 тыс. человек, которая провела колоссальную работу по подготовке и осуществлению вооруженного восстания. Накануне восстания общая численность Красной гвардии по стране составляла около 75 тыс. человек. По призыву революции был готов выступить 240-тысячный гарнизон Петрограда. На стороне Временного правительства было 30-40 тыс. человек. Таким образом, большевики сумели создать перевес в вооруженных силах. Однако о вооруженном восстании в Петрограде можно говорить лишь с большой натяжкой. Дело в том, что в ответ на опрометчивую попытку А.Ф. Керенского нанести группой верных войск 24 октября 1917 г. упреждающий удар по большевикам части Петроградского ВРК незаметно перешли в наступление. К утру 25 октября силы большевиков почти без сопротивления захватили важнейшие объекты города. Многие петроградцы, по словам Л.Д. Троцкого, даже не подозревали о происходившей смене власти. В ночь на 26 октября пал Зимний дворец и Временное правительство прекратило существование.

Партия большевиков, захватив власть вооруженным путем, получила поддержку и удержалась еще и потому, что вначале, выступая под лозунгом советской власти, обещала резко не ломать общественного устройства и условий жизни людей. В обращении «К населению» В.И. Ленин в октябре 1917 г. писал: «Спротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишится нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов... Ни один трудящийся не потеряет ни копейки... Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет»⁴. Казалось бы, чего же лучше? Но реалии оказались другими. Наше Отечество попало в жестокий цивилизационный разлом, Гражданская война стала неизбежностью.

Размышляя о феномене большевизма, заметим, что он смог расцвести пышным цветом именно в условиях российской действительности того времени. История мировых цивилизаций в XX веке развивалась под влиянием исторического феномена нашей Великой революции. Поэтому она – знаковое событие, в котором противоречивую, но и выдающуюся роль сыграл большевизм как идеологическое течение

и партийная организация, создавшая Советское государство, аналогов которому до того времени не имелось в истории человечества.

4. Гражданская война... Какое страшное словосочетание. Ведь русский стреляет в русского! Но сколько поколений советских людей воспитывалось на «героике Гражданской войны»! Понадобилось более семидесяти лет, чтобы постепенно пришло горькое понимание того, что и поручик Голицын, и Анка-пулеметчица принадлежат истории России. В той безумной Гражданской войне у каждого из не столь уж далеких предков наших была своя правда. И в жестокой битве за нее, матушку-правду, захлебнувшейся собственной кровью ее бойцов, никто не хотел уступать. Анатолий Франс высказал такую мысль: из всех видов кровавого безумия, которое называется войной, наименее безумной является все же Гражданская война, ибо в ней люди, по крайней мере, делятся на враждебные лагеря сознательно, а не по приказу⁵. Однако с такой сентенцией не согласился Л.Д. Троцкий. По его мнению, когда в России шла Гражданская война, «создалось ожесточение, всегда сопровождающее гражданскую войну»⁶. По моему суждению, Л.Д. Троцкий намного ближе продвинулся к истине в своих оценках, нежели А. Франс.

Российская Гражданская война – прямое следствие поражения России в Первой мировой войне и Великой революции 1917 г. Первая мировая война, которая стимулировала революционный взрыв 1917 г., поставила наше Отечество на край пропасти. Экономика была измотана войной, в упадок пришла оборонная промышленность. В докладе Верховного главнокомандующего Русской армией генерала Л.Г. Корнилова Временному правительству от 10 августа 1917 г. отмечалось, что производство орудий сократилось на 40%, тяжелых снарядов – на 60%, взрывчатых веществ – на 40%, винтовок и пулеметов – на 25%⁷. Усиливался финансовый кризис. Государственный долг России вырос в 4 раза – с 8,5 до 33,5%. Галопировала инфляция. К февралю 1917 г. курс рубля на внутреннем рынке упал до 27 копеек⁸.

Абсолютная непримиримость противоборствующих сторон – одна из отличительных черт именно российской Гражданской войны. Ее истоки также надо искать в революционных событиях 1917 г., когда страна быстрыми темпами погружалась в обстановку анархии, безвластия, выходили наружу психопатологические инстинкты толпы, для которой вожди всех мастей и оттенков припасли лозунги о свободе и правде. Именно ради своей правды и красные, и белые, и зеленые в 1918-1922 гг. станут применять неограниченное насилие. Но оно выпустит на волю бесов, прячущихся в глубинах человеческих душ. Люди станут рабами машины насилия, а

потом сами попадут под ее колеса: океан крови, море слез, горы трупов... Печальный итог «бала Люцифера»: в безумии братоубийства сторели почти 13 млн человек⁹, страна лишилась одного из каждых 10-11 своих граждан.

В то же время нельзя не отметить, что причины Гражданской войны в России как органичного продолжения Великой российской революции 1917 г. – не в попытках различных партий и группировок захватить или вернуть политическую власть. Они значительно глубже и кроются в социально-политических, экономических и духовных процессах, приведших общество к той грани, за которой начался этап вооруженного массового насилия. Того самого страшного красного и белого террора, который требует сегодня углубленного и беспристрастного исследования.

5. При исследовании исторических персоналий 1917 г., чтобы выйти из формата биографии, необходимо использовать проблемно-хронологический подход к познанию истории. Его проблемная составляющая наиболее оптимальна при исследовании исторических персоналий, так как позволяет охватить относительно полно в историческом пространстве и времени многоаспектность конкретно-исторической обстановки, в которой протекала жизнь и деятельность исследуемой личности. Применение проблемного подхода способствует разделению единой ткани исследования на ряд важных проблем. Вместе с тем следует учитывать, что без реконструкции событий в их временной последовательности нельзя понять глубину содержания жизни и деятельности исторической персоналии. Поэтому хронологический подход позволяет выстроить событийный ряд, обоснованный как логически, так и исторически. Необходим также теоретический анализ, который, по меткому выражению Ф. Энгельса, может указать «правильный путь в лабиринте фактов»¹⁰.

Если же говорить о конкретных фигурах 1917 г., то, думается, надо переосмыслить деяния первых лиц. И не смущаться, что о них уже и так написано много.

П.С. Кабытов

1. Признаю, что меня с юношеских лет волновали проблемы истории Великой российской революции. Напомню, что в советский период это глобальное явление в истории нашей страны маркировалось термином «Великая Октябрьская социалистическая революция». Правда, на рубеже 50-60-х гг. XX в. историки стали активно изучать историю Февральской революции. Я вспоминаю, с каким интересом, работая в спецсеминаре выдающегося историка, профессора Казанского университета И.М. Ионенко, мы изучали монографии Э.Н. Бурджалова, профессора Московского государственного

педагогического института им. В.И. Ленина, и академика И.И. Минца. Собственно, в спецсеминаре И.М. Ионенко я выбрал для изучения тему «История крестьянских советов Поволжья в 1917 году». На выбор темы оказало влияние мое крестьянское происхождение, да и то, что эти массовые объединения крестьянства создавались под влиянием партии социалистов-революционеров. И, конечно, меня не могли не привлечь фигуры таких колоритных вождей левых эсеров, как М.А. Спиридонова и А.Л. Колегаев, который в 1917 г. был избран председателем Казанского губернского Совета крестьянских депутатов, а осенью 1917 г. вошел в состав Совета народных комиссаров в качестве народного комиссара земледелия. В аспирантуре Казанского государственного университета я продолжил изучение революционных событий 1917 г. Но тема кандидатской диссертации «Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в 1917 г.» меня не вдохновила. После фронтального изучения научной литературы я убедился в том, что официальная история революции 1917 г. в значительной мере содержит множество мифов. Один из них: к осени 1917 г. большевистские организации якобы были созданы чуть ли не во всех уездных центрах и крупных селениях. Но это было далеко не так. Явно преувеличивалась роль пролетариата в революции. И лишь во второй половине 1960-х гг. историки стали писать о роли солдат тыловых гарнизонов в установлении советской власти в губернских центрах. Тогда еще лишь вскользь говорилось о том, что организаторами выступлений крестьян против частных владельцев, включая столыпинских выделенцев, являлись как отпускники-солдаты, так и дезертиры из действующей российской армии. И, конечно, не учитывалась роль сельской общины – организатора массового крестьянского движения. Да и историографическая ситуация на рубеже 1960-1970-х гг. стала иной. Произошел возврат к традиционной исследовательской практике – изучать исторические процессы в рамках марксистско-ленинской методологии. Возникшее было «новое направление» в советской историографии оказалось фактически разгромлено. В силу этих причин вектор моей исследовательской работы изменился, и я стал изучать предпосылки, ход и итоги столыпинской земельной реформы. Но так или иначе, я продолжал изучение истории Великой российской революции в рамках аграрной истории и написания биографических очерков об участниках революционных событий. Так, я написал очерки о В.В. Куйбышеве, Ев. Семенове, Я.В. Глинке и др. Напомню также, что в течение многих лет я изучал жизнь и государственную деятельность последнего русского реформатора П.А. Столыпина. В центре внимания на современном этапе для меня

оказались вопросы методологии, историографии и источниковедения Великой российской революции. Поэтому я стал изучать научное наследие таких историков, как Н.Н. Фирсов, С.М. Дубровский, А.М. Анфимов, В.Г. Тюкавкин, Е.И. Медведев, И.М. Ионенко, Г.А. Герасименко и др. В настоящее время важным направлением для меня является изучение протестного движения крестьян в 1917 г.

2. Убежден в том, что новый термин «Великая российская революция» был позитивно воспринят профессиональным сообществом историков, но в то же время коммунисты считают главным событием революции октябрьский переворот – Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Дискуссии ведутся и о роли В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в событиях Великой российской революции. Сомнению подвергается тактика лидеров большевиков во время политических кризисов 1917 г. и в период Гражданской войны. По сути дела, все исследовательское поле эпохи революции и Гражданской войны в буквальном смысле представляет болевую точку для всех слоев населения Российской Федерации. Налицо огромное количество полярных мнений, которые транслировались как в ходе научных конференций, посвященных 100-летию революции, в монографических исследованиях, так и в медиасредствах – периодике, кино, телевидении и др. А это яркое свидетельство того, что, к сожалению, раскол в нашем обществе все еще не преодолен.

3. Как мне представляется, феномен победы большевизма был обусловлен всем ходом исторического процесса 1917-1922 гг. К сожалению, другие политические партии не смогли ни адекватно оценить быстро меняющуюся ситуацию в период революции, ни предложить народу реальную программу выхода из революционного хаоса. Стратегия и тактика большевиков была воспринята большинством народа, а потому их победа стала закономерным явлением.

4. Дискуссии о взаимосвязи революции и Гражданской войны ведутся давно. Но ведь еще В.И. Ленин выдвинул лозунг о превращении Первой мировой войны, которую он квалифицировал как империалистическую, в гражданскую войну. Эта проблема обсуждалась историками и в 60-70-е гг. XX в. Некоторые считают, что Гражданская война возникла с началом февральских событий 1917 г. Но, на мой взгляд, ее прологом следует считать выступления атамана А.И. Дутова и генерала Л.Г. Корнилова, а непосредственно пламя Гражданской войны начало полыхать летом 1918 г. – восстание чехословацкого корпуса, мятеж левых эсеров и др.

5. Парадоксально, но факт: под влиянием краха Советского Союза, изменения политической системы в нашей стране вектор научных

исследований стал приобретать новые очертания. Резко сократилось количество научных исследований по истории революции. Юбилейные 80-летие и 90-летие революции 1917 г. не стали явлением как для центральной власти, так и для научной общественности. Да, проводились конференции, были изданы монографии и материалы научных конференций, но их число было невелико. Были и другие негативные явления, такие как отмена праздничных дней 7 и 8 ноября. Важно отметить, что в историографических исследованиях наметился отход от марксистско-ленинской методологии. Но все же часть историков по инерции продолжает транслировать традиционные мифологемы. 100-летие Великой российской революции вызвало небывалый всплеск интереса к событиям 1917-1922 гг. Принципиально важно стремление научного сообщества историков рассматривать события смуты (я имею в виду революцию и Гражданскую войну) как единый процесс, в качестве глобального события всемирной истории. Вновь дискуссионной проблемой становится формирование общенационального кризиса в период Первой мировой войны. И в этом плане важна такая тема, как российская элита и ее структура, облик и поведение накануне и в период Великой российской революции 1917 г. К числу, казалось бы, изученных проблем относится история российской армии в период революции. Вместе с тем до сих пор все еще недостаточно исследована роль российской армии в революционных событиях как в столицах, так и в провинции. Вполне вероятно, что новое прочтение комплекса архивных и опубликованных документов, воспоминаний участников событий позволит воссоздать реальную картину установления советской власти в регионах России и показать ведущую роль солдат тыловых гарнизонов и действующей Российской армии в революционном движении. Возникает настоятельная необходимость применения многомерного статистического анализа массовых источников с тем, чтобы внести коррективы в концептуальные представления о масштабах и ходе событий в центре и провинции. К числу актуальных проблем относится изучение масштабов и хода аграрной (общинной) революции. На наш взгляд, необходимо отметить те позитивные явления, которые появились в российской историографии в новейший период. Революционные события представляют сложный многомерный процесс, который вовлек в сферы своего действия все слои населения России, а потому проблемы Великой Российской революции необходимо рассматривать как на макро-, так и на микроуровнях, с использованием междисциплинарных методов, в том числе методов новой социальной истории. Как мне кажется, к числу актуальных проблем от-

носятся преодоление историками мифологем в оценках деятелей революции 1917 г.: большевистской партии, эсеров, меньшевиков и кадетов, что может существенно снизить градус политизированного подхода к научной разработке многих проблем истории Великой российской революции.

Нуждаются в дальнейшем изучении проблемы повседневной жизни российской провинции в революционную эпоху. Несмотря на имеющиеся исследования по истории крестьянства и российской армии, необходимо продолжить изучение истории установления советской власти на местах и роли лидеров политических партий в революционном движении 1917 г. Так, для выявления новых пластов исторической информации, содержащихся в документальных источниках, помимо традиционных исследовательских методов мною был применен контент-анализ материалов, опубликованных в документальном сборнике «Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Великого Октября» (Казань, 1958), в который составители включили 692 документа. В результате установлено, что с каждым месяцем нарастала в деревне волна радикальных требований, а мирные формы борьбы крестьян (февраль-июнь 1917 г.) сменились к осени разгромами помещичьих имений, которые были инициированы не сельской общиной и различными комитетами, а солдатами Российской армии, возглавившими разгром крестьянами экономий частных владельцев, в том числе и хозяйств землеустроенных крестьян. Я уверен, что профессиональные историки продолжают изучение новых проблем истории Великой российской революции 1917 г.

Н.Н. Кабытова

1. Являюсь автором публикаций, посвященных взаимоотношениям власти и общества в период Великой российской революции: «Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье» (Самара, 1999), «Власть и общество российской провинции в революции 1917 года» (Самара, 2002), «В огне гражданской войны» (Самара, 1997, в соавторстве с П.С. Кабытовым) и др. В центре исследования – процесс формирования новых властных институтов, механизмы установления советской власти в Поволжье, особенности взаимодействия и встречного воздействия социума на власть и власти на социум.

2. Событийная сторона революционного процесса 1917 г. в общих чертах представлена. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими явлениями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. Это осложнило выяснение происхождения русской революции, закономерностей и особенностей ее развития

и результатов. Известно, что революции начинаются в столицах, а делаются в провинциях. Специальное изучение региональных модификаций Великой российской революции 1917 г. необходимо в связи с тем, что в отечественной историографии длительное время превалировала тенденция единообразия процесса в центре и на местах. Между тем, несмотря на общий результат и последующую унификацию нового общественного строя, именно разнообразие функционирования социально-политических сил в регионах скорректировало первоначальное направление развития революции. Характер взаимоотношений власти и общественных организаций на местах в 1917 г. позволяет выявить механизм социальной инверсии, определившей новый путь исторического развития России. Понятие «власть» означает право и возможность одних управлять другими. Осуществление воли привилегированных сословий над остальной частью российского общества стало невозможным после свержения самодержавия. При этом был разрушен весь инструментарий осуществления власти. Законотворчество Временного правительства, базировавшееся на модернизаторских идеях революционеров-февралистов, осуществлялось путем директив из центра. На местах образовались инициативные общественные объединения, выдвинувшие «самочинные» формы организации власти. В связи с этим необходимо рассмотрение целого ряда вопросов, ранее трактовавшихся с позитивистских позиций, унифицировавших революционный опыт.

Революция, перемещаясь из центра в провинцию, выявила большую инициативу различных общественно-политических объединений при формировании новой власти на местах. В связи с этим возникает потребность в выяснении причин конфронтации, а затем и кризиса в демократическом лагере накануне Октября 1917 г. Требуют специального рассмотрения вопросы о тактике в борьбе за власть различных политических партий и объединений. В силу специфики социально-экономических отношений особое влияние на действия местной власти, в частности в Поволжье, имело аграрное движение, что требует выяснения механизма воздействия социума на власть, разработанного в ходе революции. Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации до сих пор оценивается как негативная. Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделяются теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов трактуется как соглаша-

тельская. В то же время попытки Временного правительства наделять органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах почти не изучены, а оцениваются как соглашательство умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, «массовое правотворчество», а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций получили в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу, и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого.

Таким образом, сложный комплекс взаимоотношений власти и общественных организаций в условиях российской революции 1917 г. необходимо рассматривать с точки зрения влияния инверсионного процесса на новые формы государственного и общественного устройства. Поскольку революционный взрыв сопровождается локализацией организационно-процессуальных форм общего направления движения, наиболее продуктивно его рассмотрение на примере определенного архетипа. Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся таким своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и народом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволяет прояснить основные черты системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу. В то же время предопределенность выбора пути исторического развития страны может быть объяснима использованием беспочвенной властью традиционалистских ценностей народа. Комплексное рассмотрение признаков, характеризующих суть революционного процесса в провинции, дает возможность выявить основные институционные коллизии и методы их преодоления в 1917 г. В связи с этим необходимо детально проанализировать деятельность органов местной власти и самоуправления, новых социальных, профессиональных, корпоративных, общественно-политических организаций. Одновременно нужно исследовать попытки создания субъектами революционного действия архаичной системы власти на местах.

Магистральная линия развития революции, ее причины, ход и итоги обросли огромной литературой. Но ряд сюжетов, влиявших на ход инверсионной волны, по разным причинам продолжает оставаться вне сферы специального рассмотрения, а некоторые вопросы ожесточенно дискутируются. Направленность действий «революционных потоков» в общем виде до-

вольно хорошо, хотя и односторонне догматически изучена. При этом отдавалось предпочтение рассмотрению влияния радикальных общественно-политических организаций на ход революционных преобразований. Исследователи неоднократно ставили вопрос о соотношении стихийного и сознательного в русской социальной смуте 1917 г., но неизменно преувеличивали общественную рефлексию и недооценивали влияние традиционализма. В настоящее время природа и сущность революционного насилия в России 1917-1920 гг. активно исследуются. Требуют специального рассмотрения теоретические вопросы революции. Методологической основой ее исследования являются принципы диалектического познания общества. Они с успехом используются приверженцами всех основных современных теорий исторического процесса. Речь идет лишь о выборе приоритетов в наборе основных составляющих социального бытия, последовательности и взаимосвязи их влияния на его изменение.

Сторонники формационного подхода первостепенное значение отводят роли социально-экономических отношений, порождающих в своем развитии строго определенные формы общественно-политического устройства. Основоположники марксизма разработали схему последовательной смены общественно-экономических формаций¹¹, которую В.И. Ленин перенес на российскую почву¹². При этом явления, выходящие за рамки составленной модели, объяснялись творческим развитием марксизма применительно к новым условиям. Современные цивилизационные теории исторического развития, как и марксизм, базируются на гегелевской диалектике. Кроме того, они гносеологически родственны учению Г. Гегеля об обществе, государстве и праве. По нему революция определяется как стремление абсолютного духа познать самого себя. При этом государство, выражающее сущность народа, переживает это состояние на пути к гражданскому обществу¹³. Новая социальная история, как и государственническое направление в историографии, развившиеся на базе цивилизационных направлений, не смогли объяснить особенности революционного процесса 1917 г. в России.

В настоящее время среди обществоведов утвердился циклический подход в объяснении исторического процесса¹⁴. В российской истории исследователи выделяют прежде всего ее кризисные ритмы, отмечая феноменологию периодически повторяющегося «смутного времени»¹⁵. Однако такая схематизация обедняет особенности русской революции 1917 г., принося их в жертву общим проявлениям различных кризисных ситуаций. Любая условная схема системного кризиса в России выхолащивает его содержа-

ние, нарушая «живость» описания исторических фактов. Названные теории применимы для оперирования макроисторическими процессами с целью выведения общих, так называемых объективных закономерностей развития социальной истории. В то же время они не объясняют причин выбора определенного формально-сущностного пути при наличии нескольких альтернатив. Системный кризис 1917 г. в России настолько многовариантен, что не укладывается в условные схемы единой методологии исследования. В настоящее время становится популярным предложение Ф. Броделя «суммировать» различные концепции познания исторического процесса¹⁶. Это дает возможность, не меняя основных принципов исторического анализа, синтезировать теоретические воззрения на природу и сущность российского революционизма. Проблема взаимоотношений власти и общества в условиях революционного кризиса требует также применения методов политологии, социологии, социальной психологии и философии права.

3. Огромное количество статей, очерков, воспоминаний, разрозненных документальных свидетельств, исторических исследований, размышлений и оценок об установлении советской власти в центре и на местах отнюдь не исчерпало эту сложнейшую тему. На настоящем этапе изучения российской революции 1917 г. возможности выявления действительных, а не мифических причин победы большевиков в борьбе за власть расширились. Это обусловлено освобождением от личностных оценок непосредственных участников событий, а также идеологического диктата партийно-политической номенклатуры, с одной стороны, и зарубежной политизированной советологии – с другой. Продолжаются споры о характере революционного процесса 1917 г. в России. Стремление во что бы то ни стало доказать незаконность учреждения советской власти приводит некоторых современных отечественных исследователей к забвению принципа историзма, конъюнктурности оценок и явной путанице в юридических терминах. В расстановке не только социальных, но и общественно-политических сил к осени 1917 г. в отдельных регионах России имелись свои нюансы, но кризис власти имел всеобщий характер. Поскольку большевикам удалось не только захватить, но и удержать власть, следует обратить особое внимание на их тактику при локализации революции. В связи с этим необходимо выяснить способы установления власти советов в провинции, отличные от центра и своеобразные в каждой местности. Кризис местной администрации Временного правительства в губерниях Поволжья был порожден теми же причинами, что и в центре, но порядок их влияния на состо-

яние власти был иной. Ведущим фактором взаимоотношений власти и общества осенью 1917 г. был аграрный вопрос, и большевики в борьбе за власть умело манипулировали традиционалистскими иллюзиями большинства социума. Установление советской власти осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов. Например, осенью 1917 г. у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени Советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

Анализ государственного строительства в ходе революции свидетельствует о невозможности преодоления общенационального кризиса при сохранении демократических процедур. Власть, сформированная после Февраля 1917 г., не отвечала архаичным потребностям большинства социума, она лишь стимулировала мощную инверсионную волну, которая привела страну к национальной катастрофе. Все попытки внедрить западнические общедемократические принципы регулирования социальных отношений оказались неэффективными. Советы, еще в меньшей степени способные осуществлять функции действенной государственной власти, были приспособлены большевиками для выхода из революционного кризиса и строительства «диктатуры пролетариата». Таким образом, формирование российской государственности в 1917 г. осуществлялось под давлением революционных сил и последовательно прошло стадии от демократии через охлократию к диктатуре. Впоследствии советская система власти была унифицирована, а местные инициативные объединения постепенно ликвидированы.

4. Хронология Великой российской революции, определение ее этапов постоянно дебатруется в историографии. В настоящее время, пока еще робко, высказывается мысль о том, что единый революционный процесс в России охватывает период 1917-1922 гг.: Февраль – Октябрь 1917 г., и далее до окончания Гражданской войны

на Дальнем Востоке и подавления сопротивления большевикам в Центральной России (Кронштадтский мятеж, Тамбовское восстание и т.д.). Утверждение, что события 1917 г. – это единый революционный процесс, приобретает все больше сторонников.

5. В дальнейшем осмыслении сегодня нуждаются позиции и судьбы всех лидеров 1917 г. Чтобы выяснить особенности российской революции, необходимо переосмыслить мотивацию действий всех исторических персоналий, действовавших в 1917-1922 гг.: лидеров революционной демократии на местах, красных и белых командиров, зеленых повстанцев и представителей всех остальных «цветов» Гражданской войны.

В.Я. Ефремов

1. В 1995 г. была издана моя монография «Гражданская война в России (1918-1922): в поисках нового видения проблемы» (Вольск, 1995). С этого момента проблематика российской Гражданской войны стала приоритетом в моей научной работе. Постепенно я перешел от исторического осмысления этого неординарного феномена к историографическому. И, разумеется, пришлось плотно заняться исследованием нашей Великой (именно Великой) революции 1917 г. Это закономерно, ибо если бы не было революции – не свершилась бы и Гражданская война. В мозаике исторических событий 1917 г. меня больше всего интересуют военные аспекты.

2. Эти болевые точки историографии существовали всегда и продолжают существовать. Историографический опыт, накопленный всемирной историей, наглядно показывает, что первые в полном смысле академичные (лишенные избыточных эмоций и политических страстей, не говоря уж о страстишках) исследования о Великой Французской революции стали возможными не ранее, чем сменились три поколения. Только через 80 лет деяния Робеспьера, призрак гильотины, крик боли людской из потаенных глубин человеческого сознания перестали довлеть над психикой исследователей. Общество получило потребность осмыслить и переосмыслить деяния тех, кто «вздыбил» тихую социальную заводь, бросив Францию в цивилизационный разлом. Однако похоже, что России и ста лет мало для того, чтобы взглянуть на историческое полотно 1917 г. беспристрастно. Слишком много было в революции того, чему не найти аналогов в истории других революций, известных человечеству, и того, что люди из-за политической и исторической близорукости готовы повторить. Конечно, есть серьезные сдвиги в историографии событий 1917 г. в сторону добротных исследований в системе координат классического академизма. Но политические страсти, а скорее, страстишки все-таки про-

должают довлеть над некоторыми отечественными историками, взявшимися за перо, чтобы осмыслить и переосмыслить животрепещущую тему Великой российской революции 1917 г. Сегодня и публицисты подливают масла в огонь, продолжая тенденции лихих 90-х гг. минувшего века. Например, беспардонные спекуляции на проблеме «В.И. Ленин как немецкий шпион». Эти материалы сомнительной достоверности, пущенные в оборот еще летом 1917 г. небезызвестным русским революционером, социал-демократом, недолго даже бывшим большевиком, Г.А. Алексинским, до сих пор не дают спать спокойно любителям «жареных фактов» и «желтых» инсинуаций. Снова всплывает тема, что Октябрь 1917 г. – революция люмпенов. Конечно, люмпены сыграли свою роль в революции, но они могут только разрушать, созидать не способны. А один из созидательных итогов событий 1917 г. – создание могучей сверхдержавы СССР.

3. Современный интерес к феномену большевизма выявил две диаметрально противоположные тенденции в суждениях: 1) большевизм – закономерный результат исторических противоречий; 2) большевизм – социальный срыв, искаживший логику исторического развития. Все здесь диалектично. Кроме того, мне представляется, что сегодня вновь набирает силу склонность к аксиологическим суждениям о столь сложном историческом явлении, которые выдержаны в исключительно негативной тональности (ни о какой объективности речи здесь, конечно, не идет). С такими упрощениями и огрублениями феномена большевизма мириться нельзя – если, конечно, оставаться на научных позициях, не подменяя их псевдонаукой, замешанной на беспринципной политизации.

Почему же победили большевики? Это как раз тот вопрос, на который нельзя давать однозначные категоричные ответы. С моей точки зрения, важную роль сыграло здесь то, что большевистские лидеры смогли наиболее полно использовать силу исторических традиций, национального менталитета. Смогли победить большевики еще и потому, что они оказались едва ли не единственной политической силой, которая не принимала участия в работе Временного правительства, полностью показавшего свою недееспособность, а также потому, что вокруг них в октябре начали объединяться все, кто устал от ситуации юридического безвластия и фактического двоевластия. Не было другой политической силы, вокруг которой можно было объединяться, все остальные практически затоптали друг друга и утратили всякое доверие. Важен здесь и такой психологический момент: солдаты, матросы, рабочие и все остальные просто устали жить без сколь-нибудь твердой уверенности в завтрашнем дне, без управления, без

понимания будущего, без перспектив, в ситуации хаоса и кризиса – поэтому они и приняли большевиков.

4. Великая российская революция и закономерно последовавшая за ней Гражданская война перепахали поле национального самосознания с небывалой до того в российской истории глубиной. Происходившее отражало насилие и противоречия, существовавшие в старом обществе, и неизбежно породило новое насилие – еще более жестокое, грубое. События 1917 г. и ряда последующих лет стали величайшим потрясением, проявившимся в социальных, экономических, политических переломах, крушении привычных устоев и понятий, возникновении небывалых отношений, когда тот, «кто был ничем», становится всем, и, напротив, кто был всем, превращается в ничто. Память о революции и Гражданской войне навсегда вошла в народное сознание, стала неотъемлемой его частью. К всеохватывающей Гражданской войне в России привели и сопротивление бывших господствующих классов, которые лишились власти и собственности, и разгон Учредительного собрания, и подписание Брестского мира с Германией, и деятельность большевистских продотрядов и комбедов в деревне, обострившая отношения между советской властью и крестьянством. Огромное значение имели психологические установки в обществе на решение вопросов с помощью насилия и военных действий, в значительной степени приобретенные в период Первой мировой войны. Вряд ли здесь можно ставить под сомнение, что все описанное выше являлось следствием революционных потрясений 1917 г. Собственно говоря, гражданская война, судя по историческому опыту, – необходимый элемент любой революции. Правда, степень интенсивности, жестокости гражданской войны всегда индивидуальна.

5. Не вызывает сомнений, что история должна не только «стрелять» фактами, но и быть заселена людьми. С этим не все было благополучно в советской историографии, где живые люди часто растворялись в таких категориях, как «партия», «массы», «классы». Даже портреты вождей революции по сегодняшним меркам выглядят блекло. Поэтому надо начать именно с них – вождей революции, стоявших по разные стороны баррикад. Но только не допустить здесь ни глянца, ни черных красок. И не стоит останавливаться на создании научных биографий: надо наладить выпуск научно-популярной литературы. Быть может, тогда молодежь перестанет молиться на «Википедию» как основу всех знаний. Ясно, что на печатные издания опять не дадут денег. Придется задействовать электронные ресурсы.

Е.Ю. Семенова

1. Являюсь автором ряда публикаций¹⁷, где приоритетными исследовательскими аспектами являются влияние революции на жизнь городского общества, на городскую инфраструктуру и хозяйство, поведенческие практики обывателей в условиях революционного процесса, социальный аспект деформации структур власти в ходе революции, причины революционного процесса 1917 г., основные историографические новации по проблемам революции 1917 г.

2. Анализ материалов конференций, круглых столов, чтений, публикаций, посвященных революции 1917 г., прошедших и вышедших в год столетия Революции, приводит к выводу о наличии так называемых «болевых точек» по многим аспектам, которые вызывают неоднозначные суждения, в том числе с ярко выраженными идеологизированными и политизированными подходами. Среди наиболее остро и часто обсуждаемых тем можно выделить вопросы о сущности революции (или революций); причинах данного процесса, в том числе роли внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов; периодизации революционного процесса. В оценке каждого из них сложились достаточно крайние суждения, не всегда представляющиеся нам исторически обоснованными. Так, несмотря на наличие в исторической науке различных подходов к оценке событий 1917 г. (как единого революционного процесса, как Февральской и Октябрьской революций, как Февральской революции и Октябрьского переворота), в год столетия революции явно проявилась тенденция на официальных мероприятиях, посвященных событиям 1917 г., характеризовать данные события как Великую Русскую революцию. Явной политизацией, особенно на фоне современной внешнеполитической ситуации, мне кажется выдвинутой сторонниками так называемого «конспирологического подхода» точка зрения о привнесении революции извне, не учитывающая глубинных исторических процессов, в том числе неразрешенности крестьянского вопроса, продолжавшего оставаться значимым в стране с преобладающей долей крестьян в составе населения, а в условиях войны – и в рядах действующей армии. Другой крайностью в оценке причин революции видится преувеличение роли интеллигенции, на которую в официальном высказывании Патриарха РПЦ была возложена вина за события 1917 г. Однако следует вспомнить, что в России данная общественная группа формировалась изначально как исключенная из системы государственной власти, но стремящаяся к общественному и государственному благополучию. Интеллигенция не была единой по своим политическим воззрениям, и в условиях неразрешенности как социальных, так и ряда

политических задач (в последнем случае стоит отметить отсрочку выборов в Учредительное Собрание и начала его работы) вполне закономерным явился исход, выраженный Н.А. Бердяевым фразой: «...любовь к справедливости затмила любовь к истине», толкавшая одних на затягивание реформирования, других – на радикализацию событий (к чему еще естественно примешивались объективные сложности переустройства страны и последствия текущей войны). Полагаю, что такие перекосы мешают не только историкам, но и обществу непредвзято рассматривать события столетней давности, удерживаться в границах взвешенных оценок и многофакторных подходов при характеристике сложного и многомерного исторического процесса.

3. Феномен большевизма неоднозначен, он вбирает в себя объективные и субъективные составляющие развития России в 1917 г. К числу субъективных факторов, несомненно, относится личность В.И. Ульянова-Ленина. Вне оценки предлагаемого им пути развития государства и общества, проведенная им среди руководства РСДРП(б) линия на вооруженный захват власти в столице 24-25 октября была продуманным и верным шагом (с точки зрения целей достижения власти), обеспечивающим в случае успеха поддержку на II Всероссийском съезде советов, делегаты которого по итогам выборов в советы в августе-сентябре 1917 г. в большинстве должны были являться большевиками. Как показали дальнейшие события, настроения общества динамично менялись, и позднее уже не большевики одержали победу на выборах в Учредительное Собрание. Считаю, что данная идея В.И. Ленина была одной из самых весомых причин успеха большевиков в 1917 г., а Ленин может заслуженно считаться одним из гениальных политических мыслителей XX века. Немаловажным явилось и умение пойти на перестройку собственной программы, взять в качестве основных пропагандируемых перед потенциальным электоратом лозунгов идеи конкурирующих партий, что в современной политической действительности сложно представить. Среди многочисленных объективных факторов особое внимание хотелось бы обратить на два социальных фактора, задействованных большевиками в пропаганде, – положение рабочих и крестьян. Первый, значимый в марксизме, имел в российской действительности особое значение. Последствия промышленного переворота объективно привели к несбалансированности распределения рабочей силы и производства в пределах государства. Результатом стал не только переход власти осенью 1917 г. в руки большевиков именно в промышленных центрах, где сосредоточилась пролетарская масса, но и изначальное раскручивание революционного

процесса в феврале-марте 1917 г. при участии пролетариата в крупнейшем промышленном центре – столице. Второй фактор – положение крестьянства – проистекал из политики самодержавной власти, так и не разрешившей крестьянского вопроса в России, заключавшегося не только в личном освобождении крестьян и их интеграции в состав других общественных групп, но и в обеспечении их экономического статуса. Цель экономической независимости крестьянства в целом не была достигнута не только в ходе реформ Александра II и Александра III, но и в ходе столыпинской аграрной реформы, не интересной по основам становления самостоятельного крестьянского хозяйства для 4/5-3/4 крестьян. В данной исторической ситуации эсеровский лозунг отсутствия частной собственности на землю с распределением земли по трудовой и потребительской норме, заимствованный большевиками, стал основой успеха для любой политической силы.

Все больше исследователей отводят Первой мировой войне исключительную роль в развитии Революции 1917 г. Данный фактор имел особую роль и в ключе феномена большевизма. Идея выхода из войны была «скандальна» с точки зрения патриотической позиции. Однако в условиях распада национальной идеологии и расхождения понятий «общество», «государство», «власть» контекст представлений о прекращении войны вписался в насущные задачи. Для большевиков выход из войны воспринимался как возможный в связи с идеей мировой революции, которая сметала бы все эксплуатационные последствия мира. Подобные представления не были присущи большинству политических сил, заявивших о себе в 1917 г., и воспринимались с их точки зрения как абсурдные.

4. В западной историографии, а с недавнего времени и в отечественной, существует мнение о хронологическом объединении Революции и Гражданской войны в целостный процесс. Рассмотрение событий 1917 г. в ключе единого революционного процесса позволяет характеризовать его как развивающийся по степени радикализации. Логичным продолжением прихода к власти в столице, в промышленных центрах, в ряде сельских районов одной из наиболее радикальных политических сил (радикальнее были, очевидно, только анархисты, выступавшие за ликвидацию государства как политической структуры) было противостояние большевикам других политических сил. Выдвинутый в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, закрепленный в Конституции 1918 г. принцип, согласно которому власть в новом государстве принадлежит пусть преобладающей части общества, но все-таки не всему народу, а также экспроприационные экономи-

ческие меры закономерно вызвали со стороны иных политических сил и общественных групп, лишенных прав и имущества, не только неприятие новой власти, но и участие в борьбе за иной путь развития страны.

5. Дальнейшего осмысления, спустя 100 лет после событий 1917 г., заслуживает использование просопографического метода для формирования портрета представителей различных социальных групп, активных участников революционного процесса. Данное направление исследований представляется актуальным в связи с диаметрально противоположными оценками уровня материальной обеспеченности и мировоззренческих позиций пролетарских и крестьянских масс. Интересным данный метод представляется и для выявления особенностей представлений и образа жизни различных групп российской революционной интеллигенции, определявших ее роль в событиях 1917 г.

Т.В. Филатов

1. К настоящему моменту изданы две статьи¹⁸, представляющие собой часть цикла статей общей направленности, посвященного идейным истокам Октябрьской революции 1917 г. После распада СССР и реставрации капитализма в Российской Федерации в философской и исторической литературе наметилась тенденция истолкования Октябрьских событий как исторической случайности, инициированной исключительно враждебными по отношению к России внешними политическими силами: от германской разведки до англичан и французов. Моя точка зрения на данный вопрос диаметрально противоположна. Советский режим представляет собой один из вариантов разрешения противоречий, которые накапливались исторически, начиная с эпохи крещения Руси. Конечно, исторический процесс – не фатальная данность. Возможны были и другие пути, однако именно большевистский вариант был наиболее последовательным и потому наиболее вероятным.

2. Элементы идеологизации и политизации в истолковании «Великого Октября» присутствовали в отечественной историографии всегда. Но если в советский период отечественной истории основной упор делался на очернение Белого движения и его представителей, царской власти и официальной церкви, то с конца 1980-х гг., наряду с реабилитацией белых, неоправданно раздуваются масштабы красного террора. Политический заказ здесь совершенно очевиден. Современный олигархат, поднявшийся исключительно на приватизации, т.е. отчуждении от народа бывшей «общенародной» социалистической собственности, а также коррумпированная часть чиновничества кровно заинтересованы в раздувании масштабов революционного терро-

ра, что предоставляет их сторонникам следующий «железный аргумент». На любые вопросы относительно пересмотра итогов приватизации и ужесточения борьбы с коррупцией следует неизменный вопрос: «Вы что, хотите повторения ужасов сталинских репрессий 30-х годов XX в. и красного террора Гражданской войны?».

Как известно, президент РФ В.В. Путин назвал распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Однако всем мало-мальски думающим людям вполне очевидно, что весьма существенную роль в означенной катастрофе сыграли организованно раздувавшиеся СМИ масштабные фальсификации советского периода отечественной истории, демонизировавшие большевизм. При этом либеральные историки даже не пытались реконструировать логику коммунистических лидеров, рассуждая об «ужасах красного террора», коллективизации и репрессий 30-х годов с позиций сегодняшнего дня, т.е. в полном отрыве от конкретной исторической ситуации. Существенную долю ответственности за распад СССР несет А.И. Солженицын, публикация произведений которого, весьма далеких от исторической правды, мощно подстегнула рост антисоветских настроений в критический период истории страны. Весомый вклад в демонизацию Октябрьской революции и всего периода советской истории вносит и Русская православная церковь, интерпретируя борьбу большевиков против религии узко персонифицированно как борьбу против конкретной веры во Христа. Между тем всякая система убеждений предполагает борьбу с инакомыслящими, которая периодически принимает весьма жесткие формы, особенно в революционные периоды истории социума. Сталинские репрессии обрушились не только на священников, но и на таких убежденных противников религии, как троцкисты, меньшевики, левые и правые эсеры. Христианская церковь также вела себя по отношению к инакомыслящим весьма неполиткорректно: достаточно вспомнить борьбу римских христиан с язычеством, крестовые походы, Варфоломеевскую ночь, борьбу официального русского православия со старообрядчеством и т.п.

3. Как я уже говорил, победа большевиков не была фатальной исторической необходимостью, что пытались обосновать ученые-обществоведы советского периода. С другой стороны, она не была случайным историческим зигзагом, поворотом в никуда. Большевики были более последовательны, нежели их политические конкуренты, и потому вероятность их победы была максимальной. Целесообразно вспомнить учение Ленина о России как о слабом звене в цепи империализма. Царская власть насквозь прогнила, с февраля 1917 г. начался неконтролируемый распад страны, причем независимо от

большевиков и их пропаганды. Далее революция пошла по нарастающей, по сценарию, аналогичному Великой французской революции. Временное правительство и поддерживающие его партии слабо понимали суть происходящего, откладывая решение важнейших проблем страны, инициировавших революцию, пытаясь довести до конца абсолютно не нужную России империалистическую войну. В результате они получили полный распад армии и тотальное решение судьбы помещичьего землевладения «снизу». Большевики попросту встали во главе этих разрушительных стихийных процессов, легитимизировав их Декретами о мире и о земле. Именно поэтому крестьянство центральной России впоследствии поддержало большевиков в Гражданской войне: победа белых грозила им не только конфискацией самовольно захваченных помещичьих земель, но и ответственностью за погромы, убийства и сожженные помещичьи усадьбы.

4. Мне кажется, что вероятность избежать Гражданской войны после Февральской революции была минимальной. Россия как государство рухнула после отречения Николая II. Вести войну в этих условиях было абсурдно. По сути дела, Временное правительство проводило самоубийственную политику, которая привела к распаду всех институтов государства и прежде всего армии, и далее – к Гражданской войне, неизбежной в условиях тотального распада. Не следует также сбрасывать со счетов то обстоятельство, что Гражданская война сопровождалась интервенцией сначала австро-германских войск, а затем победивших их участников антигерманской коалиции, включая Японию и США. Аналогичным образом разворачивались события после Великой французской революции, когда против Франции объединились практически все основные европейские монархии. И дело тут не только в различии идеологий. Ослабленное революцией государство – лакомый кусок для алчных соседей, заинтересованных в максимальном усилении центробежных тенденций, т.е. в раздувании пожара гражданской войны.

5. Хотелось бы вспомнить изречение: «Новое – это хорошо забытое старое». Мне представляется, что применительно к «новым подходам, утвердившимся в современной отечественной исторической науке» более всего подходит другое, библейское изречение: «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие». Менее всего «повезло» ключевым историческим персоналиям большевистского движения, принявшим активное участие в событиях 1917 г.: Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Сталину и др. В советский период их роль постоянно переосмысливалась в соответствии с колебаниями «линии партии», исключая Ленина, который

в работах отечественных историков наделялся статусом непогрешимого пророка и святого, что сам Ленин вряд ли бы приветствовал. С конца 80-х гг. XX в. отечественные историки в очередной раз «прозрели», и началось тотальное очернение как образа «вождя», так и коммунистической идеологии в целом, результатом чего стала, в частности, отмена празднования годовщины Великой Октябрьской революции 7 ноября. Ныне действующая власть демонстративно проигнорировала даже такую круглую дату, как столетие Октябрьской революции, возможно, предполагая, что на фоне усиливающейся депопуляции коренного населения центральной России столетие образования РФ (2091 г.) праздновать будет уже некому. Одновременно с тотальным очернением большевиков происходило обеление их политических оппонентов, активно очернявшихся в советские времена. Отечественная историческая наука в оценке Октябрьской революции попросту ударились из одной крайности в другую, столь же далекую от исторической объективности, как имевшая место ранее апологетика большевизма и демонизация его противников. Чем же все это можно объяснить? Между революцией и реставрацией в Англии прошло около 20 лет, между революцией и реставрацией во Франции – около 25 лет, т.е. все случилось в течение жизни одного поколения. В России же революция и реставрация разделены 75-летним временным промежутком, т.е. тремя поколениями, что сделало процесс реставрации капитализма гораздо более болезненным, чем была реставрация монархии для Англии и возвращение Бурбонов для Франции. Более того, Англия и Франция вышли из своих революций и реставраций великими мировыми державами, чего нельзя сказать об РФ, отцы-основатели которой с задержкой во времени продолжили процесс деструкции Российской империи, запущенный Февральской революцией, который приостановили и затем повернули вспять большевики.

Суммирую сказанное. Историческая объективность требует определенной отстраненности от предмета исследования. Например, отечественные историки могут вполне объективно оценить политические позиции Ланкастеров и Йорков или гвельфов и гибеллинов, но не красных и белых, потому что политическое противостояние между их идеологическими последователями продолжается до сих пор, несмотря на призывы действующих властей к «согласию» и «примирению». Иначе говоря, объективное осмысление Великой революции 1917 г. и ее ключевых персоналий станет возможным только тогда, когда революция будет окончательно завершена посредством снятия инициировавших ее развертывание социальных проблем.

По сути дела, после 1991 г. Гражданская война в России возобновилась вновь, но это по преимуществу Холодная гражданская война, фронты которой проходят через души людей. Сегодня разрыв между бедными и богатыми в РФ практически такой же, как в царской России, но народ сейчас образованный, в отличие от малограмотных крестьян. К тому же в течение трех поколений действующая власть внедряла в сознание русских людей вирус социальной справедливости, чего не практиковали власти монархической России. Классовая ненависть, к которой примешивается еще и неверие в завтрашний день, – взрывоопасная смесь. Примечательно, что современный олигархат, состоящий из бывших советских людей, в отличие от Бурбонов, извлек уроки из прошлого. Памятуя о катастрофе правящих классов в октябре 1917 г., основные денежные средства российские олигархи предпочитают хранить в США или ЕС, и это также косвенным образом свидетельствует об отсутствии в современном российском обществе какого-либо «согласия» и «примирения».

И.А. Чуканов

1. Конечно, вопросами истории Российской революции я занимался, но они не были для меня такими приоритетными, как исследование проблем, связанных, например, с новой экономической политикой, хотя между ними прослеживается прямая причинно-следственная связь. У меня есть несколько монографий, достаточно много публикаций в исторических научных журналах, опубликованных выступлений на научных конференциях по проблемам оценки событий, связанных с Российской революцией 1917 г. В первую очередь я старался проследить социально-экономические отношения в революционной деревне, деятельность органов крестьянского самоуправления – волостных и сельских Советов, ревкомов, комитетов бедноты, раскрыть работу кооперативного движения в годы революции и Гражданской войны. Есть монография, изданная в 2015 г. и посвященная «Чапанному» восстанию в Симбирской и Самарской губерниях в марте-апреле 1919 г.

2. К сожалению, такие «болевы точки» существуют. Говорить о какой-то «политизации» в настоящее время я бы не стал: в условиях реальной свободы слова, в том числе и в исторической науке, никакой «идеологизации» и «политизации» быть просто не может. Есть определенное непонимание, отсутствие единых подходов между историками к тем или иным событиям, связанным с революцией и Гражданской войной, конфликт «отцов» и «детей», то есть историков старшего поколения, воспитанных при советской власти, и молодых исследователей, в работе которых прослеживается ярко выра-

женный «максимализм», неуступчивость, отсутствие стремления с обеих сторон прислушаться к аргументам друг друга. Таких болевых точек на сегодняшний день остается очень много, потому что окончательного примирения между «белыми» и «красными» до сих пор не произошло, хотя с момента окончания Гражданской войны прошло почти сто лет.

Назову некоторые из них. Широко известна проблема так называемых большевистских концентрационных лагерей, которые были созданы в губерниях Среднего Поволжья по прямому указанию В.И. Ленина и СНК в 1919 г. Лет десять назад на одной из конференций, посвященной юбилею Октябрьской революции, в Ленинском мемориале в городе Ульяновске выступила старая коммунистка, сотрудница одного из музеев, и всерьез заявила, что в симбирских концентрационных лагерях был «очень мягкий режим содержания», никого не расстреливали, не пытали, а содержались там самые отъявленные враги. Конечно, это совсем не так. Как говорят архивные документы, там содержались в основном бывшие дворяне, купцы, лица польской национальности, арестованные ВЧК в период Советско-польской войны 1920 г., нарушители трудовой дисциплины, «саботажники». Действительно, никого не пытали и не расстреливали, но люди содержались в неотапливаемых помещениях, в морозы спали на цементном полу, десятками и сотнями умирали от тифа. Контингент полностью менялся каждые несколько месяцев. Тут никаких расстрелов не надо было. Эти проблемы необходимо изучить до конца.

По-прежнему сложной остается проблема отношения к лидерам Белого движения и вождям лагеря красных. Мы помним, сколько недовольного ворчания из рядов историков старшего поколения раздается при упоминании имен генерала В.О. Каппеля, при оценке фигуры адмирала А.В. Колчака, других лидеров Белого движения. А чему тут удивляться? Посмотрите на США. Больше 150 лет прошло с момента окончания Гражданской войны в США, а общество в этой стране расколото. В этом году развернули войну с памятниками генералам-конфедератам, например, был снесен памятник генералу Роберту Ли. Надо сблизать позиции, на фактах и примерах доказывать, что и белые, и красные воевали за «новую Россию» – ту, которую они себе представляли.

Могу назвать и другие болевые точки. Как относиться к крестьянским восстаниям в регионе – тому же «Чапанному» или «Вилочному» мятежу? Историки старшего поколения считают, что они были «кулацкими», «антинародными», «контрреволюционными». А другие считают, что это был вооруженный протест русского мужика, доведенного до отчаяния комбедовщиной, про-

дотрядами, злоупотреблениями представителей органов Советской власти на местах. Где тут искать точки для примирения, когда стороны не хотят слушать друг друга и каждая стоит на своем? Тут нужна аргументированная, объективная научно-исследовательская работа потому, что эти проблемы кровоточат до сих пор.

3. Представляется, что приход к власти большевиков в условиях полного политического, социально-экономического коллапса, в котором наше государство оказалось к октябрю 1917 г., был просто неизбежен. Страна стояла на грани полного краха и распада на отдельные русские области. Достаточно вспомнить слова Николая Суханова, высказавшего вслух ту мысль, которая в головах граждан России витала уже давно. По его мнению, в июле-августе 1917 г. все друг друга спрашивали: «кого ждать у власти – Ленина или Корнилова»? Временное правительство, его либеральные министры довели страну «до ручки». Посмотрите, что к июлю 1917 г. творилось в средневолжской деревне. Крестьяне разгромили, разворовали почти все помещичьи имения, поделили помещичью землю и приступили к дележу имущества и земель столыпинских крестьян. Начались вооруженные конфликты между самими крестьянскими обществами за новые переделы уже поделенной земли. На все жалобы Симбирский губернский комиссар Временного правительства А.Ф. Головинский отвечал: «Пусть разбираются сами между собой, у меня нет ни сил, ни средств повлиять на эти процессы». К осени 1917 г. армия не только разложилась, но и почти полностью разбежалась. Дезертировали с оружием миллионы солдат. Когда Временное правительство попыталось летом 1917 г. организовать подрывную работу, продовольственные команды встретили ружейным огнем. Рабочие на фабриках и заводах перестали работать, отсутствовала какая-либо дисциплина, на ряде предприятий заводская администрация вообще была изгнана, а фабричное имущество просто расхищалось. Не было ни одной национальной области, которая не собиралась бы провозгласить свою национальную независимость от России. Трезвомыслящее население России видело только один способ наведения порядка – диктатура, подавление, все равно в какой форме. Социально-экономические условия для прихода к власти тиранического, авторитарного режима были сформированы.

Партия большевиков была, пожалуй, единственной, которая по состоянию на октябрь 1917 г. не опорочила себя в глазах широких народных масс. Ее политические конкуренты – меньшевики и эсеры – успели себя полностью скомпрометировать участием в работе Временного правительства, упорно выступающего за продолжение войны, и проведением в качестве министров его

бездарной, антинародной политики. Да и лозунги большевиков были привлекательны для широких народных масс. Они пообещали дать землю крестьянам без всяких проволочек и ссылок на продолжающуюся войну. Более того, они предложили немедленно прекратить самую ненавистную войну, в продолжении которой народные массы не видели никакого смысла. Поэтому большевики поддержали многомиллионные массы действующих и даже дезертировавших солдат. Партия большевиков пообещала передать в собственность рабочих фабрики и заводы, сделать именно их хозяевами предприятий, а многочисленным нациям и народам России РКП(б) пообещала реализацию их законного права на самоопределение, вплоть до образования своего национального государства.

Поэтому за Временное правительство никто не вступился, настолько оно всем надоело своей бездеятельностью и бездарностью. Сама либеральная идея в России себя полностью дискредитировала. Конечно, переход власти к большевикам поддержали далеко не все, но народ и не осудил их, не вышел на баррикады защищать Временное правительство! Большинство населения заняло выжидательно-доброжелательную позицию по отношению к большевистскому восстанию. А те незначительные оппозиционные силы, которые выступили разрозненно против прихода к власти большевиков, они смели с политической сцены!

4. Сложный вопрос, ведь история не знает сослагательного наклонения. В России до 1918 г. было две гражданские войны. Первая – так называемая «Феодалная война» (1420-1450-е гг.), когда между собой воевали две крупные группировки феодалов, опиравшиеся на свою челядь. Вторая гражданская война произошла в период Смутного времени; она началась в 1607 г., когда в России появился Лжедмитрий II и вся страна разделилась на западную и восточную части, воевавшие между собой: одна воевала за царя Василия Шуйского, а другая – за Лжедмитрия II. Как известно, Гражданская война в России началась не сразу, а только в мае 1918 г., когда вспыхнул так называемый «Чехословацкий мятеж», послуживший сигналом для начала вооруженного противостояния между различными политическими силами. Считаю, что прямая причинно-следственная связь между Февральской и Октябрьской революциями (как этапами одной Великой российской революции), несомненно, есть. Обе эти революции создали предпосылки для Гражданской войны. В ходе Февральской революции был свергнут царский режим, ликвидированы силы, способные хоть как-то поддержать правопорядок в стране, разрушена устоявшаяся политическая система и ничего стоящего не было создано взамен, народ

в своей основной массе превратился в неуправляемую толпу. Образно выражаясь, был сложен костер гражданской войны, к которому только оставалось «поднести спичку». Но разжечь этот костер надо было умудриться, потому что народ в своей основной массе не был готов к массовому братоубийству. Прямая вина большевиков в том, что они, руководствуясь своей политической программой, главной целью которой было разжечь «мировую пролетарскую революцию» в масштабе всего земного шара, возбудили звериные инстинкты толпы и превратили предпосылки революции в ее конкретные причины, когда она стала неизбежной, сумели натравить одни сословия страны на другие.

Для этого они предприняли все возможные и невозможные действия: узурпировали власть, разогнав Учредительное Собрание, проигнорировав при этом мнение большинства народа, доверившего свою судьбу партии эсеров. Подписали Брестский мир с Германией, который патриотической частью населения страны ассоциировался с изменой и предательством. Своими первыми социально-экономическими преобразованиями, выразившимися в национализации промышленности и банковского сектора, настроили против себя практически все предпринимательство. После этого гражданская война стала уже неизбежной. Если восстания на Дону и Кубани, в Оренбурге, зарождавшееся Белое движение не смогло зимой – в начале весны 1918 г. разжечь полномасштабную Гражданскую войну, то чехословакам это вполне удалось.

5. В первую очередь это – генерал Л.Г. Корнилов. Сложная и противоречивая личность. Был бы он более решительным и напористым, наверное, сумел бы как минимум стать «российским Бонапартом», изменить политическую ситуацию в стране, направить российскую революцию, сторонником которой он, безусловно, являлся, в другое русло. «Дремучими идеалистами» представляются и лидеры Белого движения. Ведь в борьбе с большевиками они использовали не все возможности. Почему А.В. Колчак отказался от помощи генерала К. Маннергейма, который в 1919 г. предложил ему помощь в 200 тысяч финских штыков и сабель? Тогда бы Петроград, скорее всего, пал под совместными ударами войск генерала Н.В. Юденича и финнов. Почему генерал А.И. Деникин отказался от помощи польских войск на юге страны, отказался от союза с Польшей Ю. Пилсудского, хотя поляки такую помощь ему неоднократно предлагали? И таких примеров можно привести великое множество. Есть ряд вопросов и к лидерам другой противоборствующей стороны. Нужно до конца довести изучение проблем, связанных с деятельностью таких организаторов Красной армии, как Б. Думенко и Ф.К. Миронов – реаль-

ных создателей Первой и Второй Конных армий. Имеется много государственных деятелей регионального масштаба, которые так или иначе проявили себя в Гражданской войне, деятельность которых является до сих пор малоизученной. Это первый председатель Симбирского губисполкома М. Гимов, братья Варейкисы, командир прославленной «Железной дивизии» Г.Д. Гай и многие другие. Думаю, что изучение проблем, связанных с Российской революцией, вскроет еще много загадок и даст ответы на многие вопросы. Точку здесь ставить пока еще рано.

От редакции: за рамками отчета осталась дискуссия, развернувшаяся на круглом столе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карр Э. История Советской России. Кн.1. Т.1, 2. Большеви́стская революция. 1917-1923. М., 1990. С.11.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.5851. Оп.1. Д.494. Л.42; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911-1919. М., 1991. С.465.
- ³ Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С.51.
- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.4-5.
- ⁵ Цит. по: Троцкий Л.Д. Портреты революционеров // Chalidze Publications. 1938. P.36.
- ⁶ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.3. Ч.2. С.307.
- ⁷ Красная летопись. 1924. №1(10). С.217.
- ⁸ Государство Российское и его история. Учебно-методическое пособие / Д.Ф. Аяцков, В.А. Динес, Г.М. Ипполитов, В.В. Рыбников, В. П. Слободин / Под общ. ред. В.В. Рыбникова. Саратов, 2002. С.321.
- ⁹ См.: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны. Территория и население. М., 1986. С.98.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.37. С.243.
- ¹¹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1985. Т.1. С.534-538.
- ¹² Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.23. С.40-48.
- ¹³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. Часть третья. Раздел третий. Государство. §352-360. С.374-378.
- ¹⁴ Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.2. Казань, 1994.
- ¹⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика России. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. Т.1. Приложение. С.799.
- ¹⁶ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.
- ¹⁷ Семенова Е.Ю. К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «шаг вперед, два шага назад»? // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т.19. №3. С.160-166; Она же. Кризис государственности и формирование революционного процесса в России (по отчетной документации губернских жандармских управлений) // Юридическая наука и практика. 2017. Вып.5. Ч.2. С.86-89; Она же. Власть и общество в 1917

году: проблемы формирования, функционирования, взаимодействия (региональный ракурс) // XX век и Россия: общество, реформы, революция [Электронный ресурс]. Самара, 2017. Вып.5. С.10-18; *Она же*. Провинциальный обыватель в революционном процессе 1917 года // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т.19. № 3(2). С. 280-286; *Репинецкий А.И., Семенова Е.Ю.* Поволжье // Россия в 1917 году: энциклопедия / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2017. С.746-753; и др.

¹⁸ *Филатов Т.В.* Об истоках и смысле советского ате-

изма // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Ч.4. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Вольск: Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) ВА МТО (ВВИМО). 2017. №11. С.99-103; *Он же*. О смысле феномена «партократия» // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием / Отв. ред. И.В. Демин. Самара, 2017. С.55-63.